
ВОЛЬТЕР
Философские повести

Жанно и Колен

Вольтер

Аннотация
Вольтер. Жанно и Колен

Аннотация

Из огромного художественного наследия Вольтера наиболее известны "Философские повести". Писатель блистательно соединил традиционный литературный жанр, где раскрываются кардинальные вопросы бытия, различные философские доктрины, разработанные в свое время Монтескье и Дж.Свифтом, с пародией на слезливые романы о приключениях несчастных влюбленных. Как писал А.Пушкин, Вольтер наводнил Париж произведениями, в которых "философия заговорила общепонятным и шутливым языком".

Современному читателю предоставляется самому оценить насмешливый и стремительный стиль Вольтера, проверить знаменитый тезис писателя: "Все к лучшему в этом лучшем из возможных миров".

Вольтер
Жанно и Колен

Многие достойные доверия люди видели Жанно и Колена в школе в овернском городе Иссуаре, славящемся на весь мир своим училищем и котельными мастерскими. Жанно был сыном известного торговца мулами, а Колен был обязан появлением на свет честному земледельцу из окрестностей, который обрабатывал свой участок с помощью четырех мулов и к концу года после уплаты подати, налогов, недоимок, подушных, пошлин и прочих поборов оказывался не так уж богат.

Жанно и Колен для овернцев были очень миловидны; они горячо любили друг друга, делились своими маленькими тайнами, доверяли один другому, о чем всегда приятно бывает вспомнить впоследствии, когда встречаешься, уже расставшись со школой.

Время их учения подходило к концу, когда к Жанно явился портной с трехцветным бархатным кафтаном и лионским камзолом отменнейшего вкуса; к этому было приложено письмо на имя господина де Ля Жаннотьера. Колен был обворожен нарядом, но зависти не почувствовал; зато Жанно возомнил о себе, и Колен был этим огорчен. С того дня Жанно перестал учиться, все красовался перед зеркалом и стал презирать весь

свет. Немного погодя в почтовой карете прибыл лакей со вторым посланием к маркизу де Ля Жаннотьеру: в нем содержалось распоряжение маркиза-отца привезти маркиза-младшего в Париж. Жанно сел в коляску и, по-барски покровительственно улыбаясь, протянул Колену руку. Колен почувствовал собственное ничтожество и прослезился. Жанно укатил в сиянии своей славы.

Любознательным читателям надо пояснить, что господин Жанно-отец в довольно короткий срок нажил в делах огромное состояние. Вы спросите, как наживаются большие деньги? Тут все дело в счастье. Господин Жанно отличался приятной внешностью, жена его тоже, притом в ней еще сохранилась некоторая свежесть. Они отправились в Париж из-за разорительного судебного процесса, а тут судьба, по прихоти своей возвышающая или принижающая людей, свела их с супругою некоего устроителя армейских госпиталей, человека великих способностей, имевшего все основания хвалиться тем, что за год уморил больше солдат, чем их уничтожили пушки за десять лет. Жанно приглянулся даме, жена Жанно приглянулась ее супругу. Жанно вскоре вошел пайщиком в дело, вошел и в другие

предприятия. Когда угодишь в стремнину, остается отдать себя во власть течения; тут без труда соберешь огромное состояние. Бедняки, наблюдающие с берега, как вы плывете на всех парусах, изумлены; им непонятно, каким образом вам удалось столь преуспеть; их снедает зависть, и они сочиняют на вас пасквили, которых вы не читаете. Именно так и случилось с Жанно-отцом, который вскоре превратился в господина де Ля Жаннотьера, а полгода спустя купил маркизат и затребовал из школы сына, маркиза-младшего, чтобы ввести его в парижский свет.

По-прежнему сердечный Колен написал своему бывшему товарищу письмо, *в первых строках* коего поздравил его. Маленький маркиз ему не ответил, и Колен чуть не заболел от огорчения.

Прежде всего родители наняли для юного маркиза воспитателя; воспитатель, мужчина весьма представительной внешности и совершенный невежда, не мог ничему научить своего подопечного. Отец хотел, чтобы сын изучил латынь, мать этого не хотела. Рассудить их они просили некоего сочинителя, прославившегося к тому времени своими приятными произведениями. Пригласили его к обеду. Хозяин дома начал с того, что обратился к гостю со словами:

— Сударь, поскольку вы знаете латынь и бываете при дворе…

— Что вы, сударь, какая латынь! Да я ни звука не знаю по-латыни, — отвечал остроумец. — Как известно, на родном языке говоришь гораздо лучше, если остаешься верен ему и не обременяешь себя знанием иностранного. Взгляните на наших дам, у них ум гораздо приятнее чем у мужчин, их письма во сто раз изящнее, и этим превосходством, сравнительно с нами, они обязаны именно тому, что не знают латыни.

— Вот видите? Говорила же я! — подхватила хозяйка. — Я хочу, чтобы мой сын стал человеком остроумным, чтобы он преуспевал в свете. Теперь вам ясно, что, знай он латынь, он совсем пропал бы. Скажите на милость, разве оперы и комедии представляют на латинском языке? Разве в суде выступают на латинском языке? Разве на латинском языке объясняются в любви?

Хозяин, обезоруженный этими доводами, признал свою несостоятельность, и было решено, что молодому маркизу не стоит тратить время на Цицерона, Горация и Вергилия. Но что же он станет изучать? Ведь надо же ему что-то знать. Не познакомить ли его чуточку с географией?

— А на что она ему? — возразил воспитатель. —

Когда маркиз пожелает отправиться в свои поместья, неужели почтари не найдут дороги? Будьте покойны, не заблудятся. Для путешествий нет нужды в буссоли, и из Парижа в Овернь люди отлично добираются, не ведая, на какой они широте.

— Вы правы, — отвечал отец. — Но я слышал об одной прекрасной науке, которая называется, если не ошибаюсь, *астрономией.*

— Какое заблуждение, — воскликнул воспитатель, — да разве в свете руководствуются небесными светилами? И неужели молодому маркизу изнурять себя, вычисляя какое-нибудь затмение, когда легко узнать о нем в календаре, где можно, кроме того, справиться обо всех подвижных праздниках, о возрасте Луны, как и о возрасте любой европейской принцессы?

Маркиза вполне соглашалась с мнением воспитателя. Маленький маркиз был вне себя от радости. Отец колебался.

— Чему же следует учить моего сына? — недоумевал он.

— Быть приятным, — отвечал друг, с которым они советовались, — и если он будет знать, *как*

нравиться [1], то тем самым он будет знать все; этому искусству он научится у своей матушки, и ни ей, ни ему это не будет стоить ни малейшего труда.

При этих словах маркиза поцеловала милого невежду, говоря:

. — Но всему видно, сударь, что вы человек ученейший; мой сын будет обязан вам всем своим образованием; думаю, однако, что не худо бы ему кое-что знать из истории.

. — Помилуйте, сударыня, к чему это? — отвечал он. — Приятна и полезна только история нынешнего дня. Все древние летописи, как заметил один из наших блестящих умов [2], всего лишь ходячие побасенки, а что касается истории новой — так тут такая путаница, что и не разберешься. Какое дело вашему сыну, что Карл Великий учредил совет двенадцати пэров Франции и что его пре-

---

[1] Примечания: 1

Вольтер, возможно, намекает на сочинение второстепенного литератора Франсуа-Огюстена де Монкрифа (1687 — 1770) «Опыты о том, как нравиться» (1738). В библиотеке Вольтера сохранился экземпляр этой книги с дарственной надписью автора.

[2] Примечания: 2

Очевидно, Вольтер имеет в виду Фонтенеля.

емник был заика [3]?

— Прекрасно сказано! — воскликнул воспитатель, — под ворохом бесполезных знаний душат ум детей; но из всех наук, по-моему, самая нелепая и способная только подавить любое дарование — это геометрия. Предмет этой вздорной науки — плоскости, линии, точки, не существующие в природе. Ребенка заставляют проводить десятки тысяч кривых между окружностью и касательной прямой, хотя в действительности тут не протянешь и соломинки. Вся геометрия, по сути дела, всего лишь дурная шутка.

Супруги мало что поняли в рассуждении воспитателя, однако были с ним вполне согласны.

— Такому барину, как маркиз, ваш сын, не следует изнурять мозги в этих бесполезных занятиях. Если в один прекрасный день ему потребуется ученый геометр, чтобы размежевать его владения, он даст соответствующее распоряжение, и за деньги все будет исполнено. А пожелай он уточнить древность своего рода, теряющегося в отдаленнейшем прошлом, он пригласит к себе

[3] Примечания: 3

Прозвище «Заика» носил Людовик II (846 — 879), французский король с 877 г. Однако он был лишь правнуком Карла Великого, чьим прямым преемником был Людовик I Благочестивый (778 — 840), король с 814 г.

бенедиктинца [4]. То же можно сказать и обо всех искусствах. Барчук из знатной семьи — не живописец, не музыкант, не зодчий, не ваятель, но он поощряет все искусства, и они процветают его щедротами. Что и говорить, куда лучше покровительствовать им, чем самому ими заниматься; маркизу достаточно будет иметь вкус, а дело художников — работать на него; поэтому вполне справедливо считают, что знатные люди (я имею в виду очень богатых), ничему не учась, все умеют, ибо они, в конце концов, прекрасно судят обо всем, что заказывают и за что платят деньги.

Тут слово взял милый невежда:

— Вы справедливо заметили, сударыня, что главная задача человека — преуспеть в обществе, — сказал он. — И в самом деле, при помощи ли наук достигается успех? Затевают ли когда-либо в благородном обществе разговор о геометрии? Спрашивают ли когда-либо у порядочного человека, какая нынче звезда восходит одновременно с Солнцем? Осведомляются ли за ужином о том,

[4] Примечания: 4

В монастырях бенедиктинцев в Средние века обычно составлялись хроники и велась погодная запись событий.

удалось ли Хлодиону Лохматому [5] переправиться через Рейн?

— Но нет, конечно, никогда не спрашивают, — воскликнула маркиза де Ля Жаннотьер, прелести коей открыли ей несколько раз доступ в великосветские круги, — и маркизу, моему сыну, отнюдь не следует затуманивать ум изучением всех этих глупостей. Но, однако, чему же его учить? Ведь надо, чтобы молодой барин при случае блеснул в разговоре, как говорит мой муж. Помнится, я слышала когда-то, как один аббат говорил, что самая приятная наука это… забыла, как она называется, как-то на букву «г».

— На «г», сударыня? Не геологию ли вы имеете в виду?

— Нет, он говорил не о геологии, повторяю: на букву «г», а кончается наука».

— Ах, догадываюсь, сударыня: геральдика! Это действительно весьма глубокая наука, но она вышла из моды с тех пор, как перестали украшать гербами дверцы карет; это был обычай чрезвычайно полезный для благоустроенного государства. Однако ей нет предела: ведь нынче у всякого цирюльника есть герб, а, как изволи-

---

[5] Примечания: 5

Хлодион Лохматый — вождь одного из франкских племен, совершавших набеги на Галлию.

те знать, все, что становится обыденным, мало ценится.

В конце концов, когда были рассмотрены сильные и слабые стороны всех наук, порешили: юный маркиз будет учиться танцевать.

Природа, от которой все зависит, наделила его талантом, вскоре чудесно развившимся, а именно: он стал весьма приятно петь куплеты. Очарование юности, вкупе с этим неоценимым даром, привело к тому, что он прослыл юношей, подающим великие надежды. Женщины влюблялись в него; голова его была полным-полна песенками, и он сочинял их для своих возлюбленных. У одного поэта он заимствовал Вакха и Амура, у другого — День и Ночь, Чары и Тучи — у третьего, но так как в его песенках постоянно то не хватало слога, то оказывался слог лишний, ему приходилось отдавать их на исправление и за каждую платить по двадцать луидоров. Некоторые из них были напечатаны в журнале «Литературный год» [6] наравне с песенками Ла

[6] Примечания: 6
«Литературный год» — критико-библиографический журнал Фрерона

Фара [7], Шольё [8], Гамильтона [9], Сарразена [10] и Вуатюра [11].

Тут маркиза вообразила себя матерью выдающейся личности и стала устраивать ужины для его парижских собратьев. У юноши вскоре вскружилась голова: он овладел искусством говорить, сам не понимая, что говорит, и стал усовершенствоваться в собственной непригодности к чему-либо. Когда отец понял, сколь сын его красноречив, он горько пожалел о том, что мальчика не научили латыни, ибо тогда он купил бы ему важную должность в судебном ведомстве. Мать, женщина с более возвышенными понятиями, взялась выхлопотать для сына полк, а в ожидании полка он занялся любовью. Но любовь иной раз обходится дороже, чем полк. Он много

---

[7] Примечания: 7

Ла Фар Шарль-Огюст (1644 — 1712) — французский поэт-анакреонтик, типичный представитель легкой лирики рококо.

[8] Примечания: 8

Шолъ'е Гийом (1639 — 1720) — французский поэт, автор изящных, но легковесных стихотворений на случай, соратник Ла Фара.

[9] Примечания: 9

Гамильтон Антуан (1646 — 1720) — французский романист и поэт, мастер легких стихотворений в духе ранней лирики рококо. Мог встречаться с Вольтером в салоне герцогини дю Мэн.

[10] Примечания: 10

Сарразен Жан-Франсуа (1604 — 1654) — французский поэт, один из типичных представителей салонной прециозной поэзии.

[11] Примечания: 11

Вуатюр Венсан (1598 — 1648) — французский поэт, наиболее крупный представитель прециозного направления в лирике XVII в.

тратил, да и родители к тому же старались жить на самую широкую ногу.

Некая молодая вдова из благородных, их соседка, обладавшая весьма скромным достатком, решила сберечь их огромное состояние, присвоив его путем брака с юным маркизом. Она привлекла его к себе, позволила себя любить, дала ему понять, что и он ей не безразличен, все больше подогревала его, очаровывала и без труда поработила. Она то расхваливала его, то давала ему советы; она стала лучшим другом отца и матери. Старуха соседка выступила свахой; родители, ослепленные великолепием этого союза, с радостью приняли предложение; они отдавали своего единственного отпрыска лучшему другу. Юному маркизу предстояло жениться на женщине, которую он боготворил и которою был любим; друзья дома поздравляли их; принялись за составление брачного договора, не забывая в то же время о свадебных нарядах и эпиталаме.

Как-то поутру маркиз сидел у ног своей очаровательной невесты и мечтал о дне, когда любовь, уважение, дружба приведут ее в его объятия; нежно и страстно воркуя, они предвкушали близкое счастье; они готовились к блаженной жизни, как ни с того ни с сего появился растерянный

лакей маркизы.

— Ошеломляющие новости! — воскликнул он. — Судебные пристава вывозят имущество из дома маркиза; по жалобе кредиторов на все наложен арест; поговаривают о тюрьме, и я думаю, как бы поскорее получить свое жалованье.

— Постойте, постойте! Что такое? — сказал маркиз. — Что все это означает?

— Конечно, — подхватила вдова, — идите скорее, проберите хорошенько этих мошенников.

Маркиз бежит, входит в дом; отец его уже в тюрьме; слуги позаботились о себе, как могли, — каждый унес, что удалось. Мать его сидела одна, беспомощная, безутешная, вся в слезах; у нее осталось только воспоминание о былом, о богатстве, красоте, прегрешениях и безумных тратах.

Сын долго плакал вместе с нею, потом сказал:

— Не будем отчаиваться; молодая вдова любит меня без памяти; она богата и бесконечно великодушна, я за нее ручаюсь; побегу к ней и приведу ее сюда.

Он возвращается к своей возлюбленной и застает ее в обществе весьма привлекательного офицера.

— Вот как? Это вы, господин де Ля Жаннотьер? Зачем вы сюда пожаловали? Как же вы могли

оставить мать в таком состоянии? Ступайте к этой несчастной женщине и скажите ей, что я по-прежнему желаю ей добра; мне требуется горничная, и я предпочту ее всякой другой.

— Ты, приятель, кажется, ловкий малый, — сказал ему офицер, — если хочешь наняться ко мне в полк, я тебя недурно устрою.

Ошеломленный маркиз вне себя от бешенства отправился к своему бывшему воспитателю, излился перед ним в своих горестях и попросил совета. Тот посоветовал ему стать, как и он сам, воспитателем детей.

— Увы, я ничего не знаю, вы меня ничему не научили, вы — главная причина моего несчастья.

И, говоря так, он разрыдался.

— Сочиняйте романы, — сказал ему некий мудрец, присутствовавший тут же, — в Париже это прекрасный источник заработка.

В полном отчаянии молодой человек поспешил к духовнику своей матери; то был весьма уважаемый театинец, руководивший лишь женщинами самого высокого ранга; едва увидев маркиза, он бросился к нему:

— Боже мой! Где же ваша карета, маркиз? Как чувствует себя почтенная маркиза, ваша матушка?

Несчастный поведал ему о бедствии, постигшем их семью. По мере того как он говорил, лицо театинца все более и более мрачнело, выражение его становилось все безразличнее, все высокомернее:

— Сын мой, вот каким господь хотел видеть вас: богатство только развращает сердца. Значит, бог оказал вашей матушке милость и привел ее к нищете?

— Да, сударь.

— Тем лучше, теперь она может быть уверена в спасении своей души.

— А пока что, нет ли, отец мой, какой-либо возможности обрести помощь в нашем земном существовании?

— Прощайте, сын мой; одна придворная дама дожидается меня.

Маркиз был близок к обмороку. Почти так же отнеслись к нему и его приятели, и за полдня он глубже познал свет, чем за всю остальную свою жизнь.

Он стоял, погруженный в беспросветное отчаяние, и вдруг увидел старомодную двуколку, своего рода крытую тележку с кожаными занавесками, вслед за которой тащились четыре огромные подводы с кладью. В двуколке восседал

по-деревенски одетый молодой человек; лицо его, круглое и свежее, дышало добротой и благодушием. Рядом с ним помещалась его молоденькая смугленькая жена, не лишенная грубоватой прелести. Коляска не мчалась на всех парах, как экипаж щеголя, а поэтому путешественник вполне мог разглядеть неподвижно стоящего, погруженного в скорбь маркиза.

— Батюшки! — воскликнул он. — Да ведь это, кажется, Жанно!

При этом имени маркиз поднимает взор, двуколка останавливается.

— Да, это не кто иной, как Жанно! Это Жанно!

Маленький, толстый человек выпрыгивает из экипажа и бросается обнимать своего бывшего товарища. Жанно узнал Колена; краска стыда и слезы заливают его лицо.

— Ты покинул меня, — говорит Колен, — но, хоть ты и знатный барин, я всегда буду любить тебя!

Смущенный и растроганный Жанно, рыдая, поведал ему кое-что из своей истории.

— Поедем на постоялый двор, где я остановлюсь, и там доскажешь мне остальное, — сказал ему Колен, — поцелуй мою женушку, потом вместе пообедаем.

Все трое отправляются пешком, кладь следует за ними.

— Что это за скарб? Он принадлежит вам?

— Да, все это мое и женино. Мы из родных мест; я ведаю большим заводом оцинкованного железа и медных изделий. Я женился на дочери богатого коммерсанта, который торгует кухонной утварью, нужной и знатным и простым людям; мы с божьей помощью много работаем; мы остались все такими же; мы всем довольны, и мы пособим нашему другу Жанно. Не будь больше маркизом; все земные почести не стоят одного верного друга. Ты вернешься со мною в родные края, я выучу тебя ремеслу, оно не такое уж мудреное; я возьму тебя в долю, и мы весело заживем в том уголке земли, где родились.

Ошеломленного Жанно раздирали скорбь и радость, умиление и стыд; он думал: «Все мои светские друзья изменили мне, а Колен, которого я презирал, один спешит мне на помощь. Какой урок!» Душевная доброта Колена согрела в сердце Жанно зерно добра, еще не совсем загубленное светом. Он почувствовал, что не может бросить отца и мать.

— — Мы позаботимся о твоей матери, — сказал Колен, — а что до твоего папеньки, сидящего в

тюрьме, так я малость понаторел в делах; поняв, что с него многого уже не возьмешь, кредиторы удовлетворятся малым; я беру это на себя.

Колен действовал так ловко, что вызволил беднягу из тюрьмы. Жанно вместе с родителями вернулся в свои края, и они занялись прежним делом. Жанно женился на сестре Колена, нравом очень похожей на брата, и супруги зажили счастливо. И Жанно-отец, и Жанетта-мать, и Жанно-сынок теперь убедились, что не в тщеславии счастье.